

митець став переможцем Міжнародного конкурсу «Золота фортуна».

Основними чинниками, що вплинули на формування В.Чуприни як художника-викладача стали: набуття різноманітних знань, спостереження за наставниками в процесі навчання, потяг до засвоєння функцій мистецької освіти (мотиваційно-виховних, культурологічних, пізнавальних, комунікативних тощо).

Авторська художньо-педагогічна система професора Чуприни В.Г. ґрунтується на творчо-індивідуальному підході підготовки майбутніх художників-викладачів.

Саме така людина опинилася в епіцентрі будівництва кафедри образотворчого мистецтва і дизайну, вперше в м. Херсоні забезпечивши вузівську підготовку фахівців.

Формування викладацького колективу кафедри – велика проблема в кожному навчальному закладі, а тем більше в провінціальному Херсоні.

Але «продюсерська» роль завідувача кафедрою визначила основні пріоритетні завдання, завдяки яким поступово зміцнилася матеріальна база спеціальності, випускники стають членами Національної спілки художників, перемагають на олімпіадах, конкурсах тощо.

Отже, узагальнюючи розмову про нашого сучасника, мешканця Півдня України, що працює в особливому середовищі краю, дає нам право вписати його ім'я до низки видатних майстрів мистецької педагогіки ХХІ століття.

Джерела та література:

1. Акварелі Володимира Чуприни. Альбом / Авт. вступної статті О. Федорук. – Херсон : «Наддніпряночка», 2005. – 124 с.; іл.
2. Левченко М. Життя, присвячене мистецтву / М.Левченко // Мистецтво і освіта. – 2003. – №2. – С. 55-56.
3. Південна краса України. Херсонщина мистецька / Упор. В.Чуприна. – Київ – Херсон : Bona Mente, 1998. – 136 с.
4. Художники Херсонщини / Під ред. В.Чуприни. – Херсон : «Наддніпряночка», 2002. – 168 с.
5. Чуприна Володимир. Малярство. Альбом. – Київ, 1995. – 23 с.; іл.

Микитинец А.Ю.

УДК 130.2

КУЛЬТУРНА АНТРОПОЛОГИЯ:

ГРАНИЦЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ДИСКУРСА

***Аннотация.** Статья посвящена прояснению дисциплинарного статуса культурной антропологии. Целью статьи является уточнение смысла понятия «культурная антропология» посредством обозначения его дисциплинарных границ.*

Автор сравнивает культурную антропологию с этнографией, этнологией и культурологией. По его мнению, в фокусе культурного антрополога находится непосредственно человек, которого возможно объяснить через раскрытие того социокультурного смыслового пространства, к которому он принадлежит. Особое внимание в статье уделяется направлению, которое называется автоантропология.

По мнению автора, культурная антропология идёт индуктивным путем, собирая странную мозаику культурных смыслов в единую уникальную картину, и прибегая при этом ко всему методологическому богатству гуманитарных наук: от философской герменевтики до прикладной социологии.

В выводах отмечается, что культурная (социальная) антропология – это не этнология и социология, несмотря на первоочередной интерес к устойчивым примитивным и современным социальным структурам, не психология, невзирая на акцентирование на моделях и мотивациях поведения человека, не история, теория или философия культуры. Иначе говоря, границы культурной антропологии определяются её идиографической принадлежностью, индуктивной направленностью и некоторой доминантой синхронии над диахронией.

***Ключевые слова:** культурная антропология, человек, автоантропология, культура.*

***Анотация.** Статья посвящена прояснению дисциплинарного статуса культурной антропологии. Методом статьи является уточнение значения понятия «культурная антропология» за помощью позначения його дисциплинарных меж.*

Автор порівнює культурну антропологию з етнографією, етнологією та культурологією. На його думку, у фокусі культурного антрополога знаходиться безпосередньо людина, яку можливо пояснити через розкриття того соціокультурного смислового простору, до якого вона належить. Особливу увагу в статті надається напрямку, який називається автоантропология.

На думку автора, культурна антропология іде індуктивним шляхом, збираючи дивну мозаїку культурних значень в єдину унікальну картину, та вдаючись при цьому до всього методологічного багатства гуманітарних наук: від філософської герменевтики до прикладної соціології.

У висновках наголошується, що культурна (соціальна) антропология – це не етнологія і соціологія, не дивлячись на першочерговий інтерес до стійких примітивних і сучасних соціальних структур, не психологія, незважаючи на акцентування на моделях та мотиваціях поведінки людини, не історія, теорія або філософія культури. Інакше кажучи, межі культурної антропологии визначаються її ідіографічною приналежністю, індуктивною спрямованістю та деякою домінантою синхронії над діахронією.

***Ключові слова:** культурна антропология, людина, автоантропология, культура.*

Summary. The article is devoted to clarifying the disciplinary status of cultural anthropology. The purpose of article is to clarify the meaning of the concept of "cultural anthropology" by designating its disciplinary borders. The author compares the cultural anthropology with ethnography, ethnology and cultural studies. In his view, there is the man in the focus of the cultural anthropologist. This man may be explained thru disclosure of socio-cultural semantic space to which he belongs. Particular attention in article is paid to the direction, which is called avtoanthropology.

The author thinks that cultural anthropology is inductively, it collectes strange mosaic of cultural meanings into one unique picture, and resorting to all the methodological richness of the humanities, from philosophical hermeneutics to applied sociology.

In the conclusions notes that the cultural (social) anthropology is not ethnology and sociology, despite the priority interest in sustainable primitive and modern social structures and psychology, despite the emphasis on models and motivations of human behavior, not the history, theory and philosophy of culture. In other words, the border of cultural anthropology defines its ideographic origin, induction orientation and some dominance of synchrony over diachrony.

Key words: cultural anthropology, man, avtoanthropology, culture.

Постановка проблемы в общем виде

Культурная антропология является современным направлением, окончательно сформировавшемся в начале XX века, и связываемым с именами Б. Малиновского, Л. Уайта, А. Кребера, К. Гирца, Э. Ротхакера, А. Рэдклиф-Брауна и многих других. Исследования культурантропологов проходят на стыке философии, этнологии, истории, социологии и других социальных и гуманитарных дисциплин. Понятие культурной антропологии активно используется последние годы и в рамках постсоветского научного пространства. Так, в настоящее время в республиках СНГ существует более десяти кафедр, содержащих в своем названии словосочетание «культурная или социальная антропология», уже защищено несколько кандидатских и даже докторских диссертаций. В ряде университетов Украины и ближнего зарубежья курс культурной (социальной) антропологии входит в учебные планы направления подготовки «культурология», а также, в отдельных случаях, таких направлений, как «социология», «история» и др. Однако постепенное введение в проблемное поле не даёт четкого ответа, каков же её статус. Таким образом, целью данной статьи является уточнение смысла понятия «культурная антропология» посредством обозначения его дисциплинарных границ.

Понятие междисциплинарности используется в связи с исследованиями В.С. Степина, показавшего, что современная наука по своей структуре имеет достаточно гибкую структуру, позволяющую, в случае необходимости, в рамках определенного исследования использовать методы из другой предметной сферы (см.: [6]). «Междисциплинарный» статус культурной антропологии не означает, однако, что она не является самодостаточной сферой поиска, речь скорее идет об общей смысловой платформе научных исследований.

Иначе говоря, под словосочетанием «междисциплинарный дискурс» понимается общее направление гуманитарных исследований разного толка, в рамках которого на разных уровнях решается общая проблема сложного порядка (в данном случае – это человек). Выразить суть теоретико-методологических оснований культурно-антропологического подхода можно следующим образом: человек является творцом окружающих его культурных феноменов, одновременно выступая творением культуры, понимаемой в качестве социального механизма сохранения, воспроизводства и генерирования смыслов. М. Херскович, суть этого подхода выразил следующим образом: «То, что отличает от человека других – это общественное животное, которое нами овладевает, это культура. Эта тенденция, которая развивается культурами, цементирует в единую совокупность все силы, которые воздействуют на человека, включая в интересы индивида его естественную среду, историческое прошлое его группы и его общественные отношения. Культура объединяет все эти факторы и таким образом дает человеку способ адаптации к сложностям мира. Она ему дает ощущение, а иногда и уверенность, быть ее творцом и в то же время, её творением» [8, p. 1].

Анализ последних исследований и публикаций

Следует отметить, что, несмотря на устоявшуюся западную традицию и факты указанные ранее, культурная антропология в Украине всё еще проходит этап своей институционализации: только два года назад появилась первая университетская кафедра с таким названием, и в том же году был выпущен первый в стране академический сборник научных работ, посвященный методологическим проблемам культурной антропологии и этнокультурологии [3], а также учебное пособие, содержащее в своем названии данное словосочетание [4]. Её появление обусловлено рядом причин, среди которых следует отметить вхождение Украины в европейское образовательное и научное пространство которое имеет свою специфику. Следствие этого парадигма современных гуманитарных исследований постепенно смещается от сложившегося в последние десятилетия традиции редуцирования культурологии к истории и теории культуры, истории искусства etc. Кроме того, следует отметить, что избыточная затеоретизированность отечественных культурологических штудий не всегда способствует реальному процессу изучения культуры. Об этом свидетельствует появление прикладной культурологии, которая является одной из попыток преодоления указанной проблемы.

Формулировка целей статьи

Учитывая некоторые концептуальные разногласия, которые можно редуцировать к следующему: в настоящее время существует словосочетание «социальная антропология», которое, несмотря на свою региональную (преимущественно характерное для Великобритании и Франции) и методологическую (общество считается первичным по отношению к культуре) специфику, всё же является близким по смыслу к антропологии культурной, отметим, что в дальнейшем эти понятия будут отождествлены. Принимая во внимание то, что культурная антропология в отечественной традиции проходит этап осмысления, в статье

предпринята попытка не сколько раскрыть спектр её интерпретаций, сколько помочь найти определенность в ответе на вопрос о её дисциплинарном статусе.

Изложение основного материала исследования

При поверхностном взгляде зарубежная культурная антропология очень похожа на отечественную этнографию и этнологию. В данной связи отметим специфику этих наук. *Этнография* – направление исследований, специализирующееся на описании и документальной фиксации обычаев и традиций различных народов. Основным источником этнографических изысканий являются преимущественно «полевые» исследования. Этнография, таким образом, это дескриптивная дисциплина, не претендующая на полноценное теоретическое объяснение особенностей изучаемого объекта.

Этнология – историческая дисциплина, обобщающая сведения этнографии на теоретическом уровне. Этнологию от культурной антропологии отличает стремление к генерализации и статистическим констатациям, первоочередное внимание не собственно к человеку как носителю и творцу культуры, но к культурным артефактам: письменным документам, предметам быта, фольклору, а также тесная взаимосвязь с естественными науками, в первую очередь с географией и биологией. На методологическом уровне в этнологии преобладает дедуктивная установка: применительно к человеку это имеет следующий вид: в первую очередь подвергается анализу определяющая его социокультурная общность (этнос), и только после этого и с учетом всех полученных данных человек как частный его случай получает своё осмысление и объяснение. В данной связи следует обратить внимание также на то, что часть этнологических исследований плавно трансформируется в этнокультурологию, где первостепенное внимание уделяется именно культурной составляющей этноса, т.е. происходит осознание того, что любая «доминантная идея» (термин А. Кребера) является именно продуктом культуры этнической.

Культурная антропология, несмотря на внешнее сходство с вышеперечисленными направлениями – это не этнология, и тем более не этнография. В фокусе культурного антрополога находится непосредственно человек, которого возможно объяснить через раскрытие того социокультурного смыслового пространства, к которому он принадлежит. Р. Бенедикт главным антропологическим принципом называет опору на *прямой контакт* с изучаемым народом, ибо: «... во многих случаях ожидавшиеся ... ответы уже заложены в нормах и ценностях ... культуры и их с большей достоверностью можно ... найти, изучая эту культуру с помощью ее носителей» [1]. Таким образом, специфика культурно-антропологического подхода выражается в акцентировании и адекватной интерпретации психологических, или даже можно сказать ментальных, символических смысловых структур, на которых зиждется здание культуры. Причем реконструкция этого культурного пространства возможна без прямого вхождения в него: достаточно иметь в качестве искомого материала его отдельного носителя. В данной связи одной из принципиальных методологических проблем выступает поиск посредников, позволяющих произвести необходимую адаптацию в общенаучный формат и в семиотическое поле своей собственной культуры (язык, обычаи и т.п.).

Культурная антропология – это есть ни что иное как культурология, которая развернута лицом к человеку. Именно культурная антропология позволяет в разумной пропорции совместить теоретические изыскания и полевые исследования, причем под последними не следует понимать исключительно забрасывание ученого в неизвестную «полевую» среду: предметом культурантрополога может быть близкая, и даже своя культура, в которой он может искать «белые пятна». На это хотелось бы обратить особое внимание. В последние годы на Западе набирает обороты такое направление, которое получило название «автоантропология». Это связано с осознанием того, что антропология возникла как колониальный и даже «империалистический» проект, изначально противопоставивший Западу все остальные «слаборазвитые, вторые, третьи и даже четвертые миры» [9]. С другой стороны методологическое затруднение перевода культурных смыслов и расшифровки культурных кодов привело ряд исследователей к очевидной мысли: «Надлежащее представление может быть только таким, которое получено изнутри окружающей домашней среды». Изучая собственное, «домашнее» культурное пространство, антропологи оказываются одновременно «исследователем и гражданином». На самом деле, одной из причин возврата антропологии в «родные пенаты» является экономия времени и средств для проведения исследований: «Более отдаленные страны стало труднее изучать из-за уменьшения Западного финансирования и из-за подозрения западных исследований других мест в локальном «примитивизме» или «трайбализме»; возврат к племенному (древнему) прошлому означает заняться настоящим интеллектуальным неокOLONIALИЗМОМ. В то же самое время, антропологи обнаружили давнишнее невежество относительно собственных западных обществ - их историй и культур - и степени, в которой они являются родиной разнообразия социокультурных практик и мировоззрений. Безусловно, здесь имеется место для микросоциальной методологии и специализации антропологии в извлечении основной характеристики жизни на Западе» [Ibid.].

Впрочем, у оппонентов автоантропологии есть один веский методологический аргумент, суть которого в следующем: «только через радикальную дизъюнкцию культурного шока является вообще возможным получить перспективу либо на себя самого, либо на других. Антропология дома в собственной культуре невозможна, потому что антропологическое понимание происходит только из той «зоны контакта», который установлен тогда, когда члены различных культур взаимодействуют» [Ibid.].

В любом случае общим для культурно-антропологических исследования является то, что в первую очередь они интересуются человеком, как носителем культуры, и уже через него и мотивацию его порой непонятных поступков раскрывают смысловое пространство окружающей его и создаваемой им культуры.

Р. Бенедикт, справедливо замечает, что: «У антрополога из опыта его работы есть веские

доказательства того, что даже странное поведение — не помеха для понимания народа. Более чем любой другой специалист в области социальных наук, он использовал в своей профессиональной работе различия скорее как актив, а не как пассив. Ничто так остро не привлекало его внимания к институтам и народам, как сам факт их феноменальной странности» [1]. Результаты культурно-антропологических исследований по своей сути должны открывать новые возможности для создания механизмов межкультурной коммуникации, адаптации незнакомых и непонятных смыслов Других культур через поиск аналогий в компаративном, кросскультурном анализе.

Следует отметить, что любые особенности изучаемой культуры не остаются в разряде «исключений» и «помех»: искусство культурантрополога как раз и заключается в способности найти за этим уникальным и неповторимым, выражаясь языком математики общий знаменатель, искомую культурную универсалию.

Э. Эванс-Причард, описывая принципы работы социального антрополога, отмечает, что она состоит из трех фаз:

1. Понимание и осмысление наиболее важных аспектов изучаемой культуры и перевод их на язык концептуальных категорий своей собственной культуры.
2. Вычленение, посредством анализа, «скрытой структуры» изучаемого общества.
3. Сравнение различных типов социальных структур, выявленных в ходе анализа разнообразных обществ (подробнее см.: [7, с. 267-269]).

Российский исследователь Н.Г. Скворцов, раскрывая специфику социальной антропологии, выделяет три методологических принципа, которые он называет следующим образом: принцип «инаковости», принцип «целостности» и принцип «включенного наблюдения» (см.: [5, с. 202-204]). Культурная антропология идёт индуктивным путем, собирая странную мозаику культурных смыслов в единую уникальную картину, и прибегая при этом ко всему методологическому богатству гуманитарных наук: от философской герменевтики до прикладной социологии. Как отмечает Э. Эванс-Причард: «... антропология является чем-то вроде историографического ремесла, а стало быть, чем-то вроде философии или искусства, в первую очередь подразумевает, что она исследует общества как моральные, а не как естественные системы, что она интересуется не столько процессом, сколько композицией, что она стремится к открытию моделей и закономерностей, а не естественнонаучных законов и что она скорее интерпретирует, чем объясняет явления» [7, с. 269]. Аналогичной точки зрения придерживается и К. Гирц, считая, что антропологический метод есть ни что иное как «интерпретация интерпретации»: «... описание культуры берберов, евреев или французов должно быть выполнено с использованием тех конструкций, в которые, по нашим представлениям, берберы, евреи и французы сами себя мысленно помещают, и тех формул, в которых они сами описывают, что с ними происходит. ... Они должны быть выполнены исходя из тех же позиций, из которых люди сами интерпретируют свой опыт, потому что описывать следует именно то, что люди сами считают; но они антропологические, потому что их выполняют антропологи» [2, с. 183-184]. Антропология, как это метко выразил К. Леви-Строс, это социальная наука, которая выстроена не с точки зрения наблюдателя (социология), но с позиции «наблюдаемого», т.е. отдельного человека, задающего исследователю определенный масштаб и самобытную систему координат, которые, в свою очередь обусловлены культурой, к которой он принадлежит. Обозначенная междисциплинарность культурной антропологии позволяет использовать разнообразный методологический арсенал, но при этом она в силу специфики и сложности предмета (человек) и объекта (культура) не теряет свой собственный исследовательский фокус.

Выводы

Таким образом, совершенно очевидно, что культурная (социальная) антропология — это не этнология и социология, несмотря на первоочередной интерес к устойчивым примитивным и современным социальным структурам и не психология, невзирая на акцентирование на моделях и мотивациях поведения человека, не история, теория или философия культуры. Иначе говоря, границы культурной антропологии определяются её идиографической принадлежностью, индуктивной направленностью и некоторой доминантой синхронии над диахронией, в своей совокупности позволяющие ей избегать как односторонних генерализаций и упрощений исследуемого объекта, так и тупиковых по своей сути констатаций неразрешимости и сложности изучаемых проблем.

Источники и литература:

1. Бенедикт Р. Хризантема и меч : Модели японской культуры / Рут Бенедикт ; [Пер. с англ.] – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 256 с. – (Серия «Книга света») [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://yanko.lib.ru/books/cultur/benedict-chrysanthemum_and_sword=a.htm
2. Гирц К. «Насыщенное описание» : в поисках интерпретативной теории культуры / Клиффорд Гирц // Антология исследований культуры. – Т. 1. – Интерпретация культуры. – СПб. : Университетская книга, 1997. – С. 171 – 202.
3. Методологічні проблеми культурної антропології та етнокulturології : Зб. наук. пр. / [Б. А. Головка., С. Д. Безклубенко, В. П. Капелюшний, А. О. Ручка та ін.] – К. : Інститут культурології НАМ України, 2011. – 480 с.
4. Ситник О. С. Культурна антропология: походження людини і суспільства / О. С. Ситник – Львів : Видавництво Львівської політехніки, 2012. – 206 с.
5. Скворцов Н. Г. Еще раз к вопросу о предметной области социально-культурной антропологии / Н. Г. Скворцов // *Miscellanea humanitaria philosophiae*. Очерки по философии и культуре. К 60-летию

- профессора Юрия Никифоровича Солонина. – Серия «Мыслители», выпуск 5. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С.198 – 204
6. Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность / В. С. Степин // Вопросы философии. – 2003. – № 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000249/index.shtml>
 7. Эванс-Причард Э. История антропологической мысли / Э. Эванс-Причард ; [Пер. с англ. А.А. Елфимова; Ст. А.Л. Никишенкова]. – М. : Вост. лит., 2003. – 358 с.
 8. Herskovits Melville J. Les bases de l'anthropologie culturelle / Melville J. Herskovits – Paris : François Maspero Éditeur, 1967 – 331 p.
 9. Social and Cultural Anthropology : The Key Concepts. Nigel Rapport and Joanna Overing. – London and New York, 2000. – 464 p. [Electronic resource]. – Mode of access : http://ethnoproject.ru/sites/ethnoproject.ru/files/social_and_cultural.pdf

Микитинец О.И.

УДК 304.44

URBAN ANTHROPOLOGY: РОЛЬ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ В КОНСТИТУИРОВАНИИ ГОРОДСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

***Аннотация.** В статье рассматривается ряд стратегий развития современного культурного пространства города. Анализируется роль креативных индустрий не только как феномена уникального взаимодействия экономики впечатлений, социальной политики и культуры, но и как основы для развития современной культуры. Город в исследовании понимается как особый феномен, онтологически обуславливающий форму и содержание культуры. Новый взгляд на культуру, оформившийся к концу XX века, расширил саму область культуры и превратил город в произведение искусства.*

***Ключевые слова:** городская антропология, культура, креативные индустрии, урбанизм.*

***Анотація.** У статті розглядається ряд стратегій розвитку сучасного культурного простору міста. Анализується роль креативних індустрій не тільки як феномена унікальної взаємодії економіки вражень, соціальної політики та культури, але і як основи для розвитку сучасної культури. Місто в дослідженні розуміється як особливий феномен, що онтологічно зумовлює форму і зміст культури. Новий погляд на культуру, що оформився наприкінці XX століття, розширив саму область культури і перетворив місто на витвір мистецтва.*

***Ключові слова:** міська антропология, культура, креативні індустрії, урбанізм.*

***Summary.** The article discusses a number of strategies for the development of modern cultural space of the city. Talking about the culture of the modern world, we eventually come to the phenomenon of the city and the type of urban culture. More and more subordinate processes global urbanization of the world countries, we are gradually moving to the cities of the world.*

The purpose of the study is to investigate the role of creative industries in the constitution of the urban cultural space.

In this article there are such parts as "Urbanism as a way of life", "City as a social laboratory", "Urban environment and cultural industries." The whole world - theater, and the city - is the scene "" that analyze the part of creative industries not only as a phenomenon of unique interaction between the economy of impressions, social policy and culture, but also as a basis for the development of modern culture.

In the conclusions of the article is noted that the city is a special phenomenon, ontologically may influence the form and content of culture. The new approach, a new view of culture took shape at the end of the twentieth century, not only expanded the field of culture itself, combining it with the constitutive environment, but also turned the cities themselves into works of art. Cities that were able to transform themselves through the culture, make up the largest group in a number of successful examples of urban space.

***Key words:** urban anthropology, culture, creative industries, urbanism.*

Постановка проблемы в общем виде

Актуальность исследования культуры городского пространства обуславливается все возрастающим влиянием последнего на формирование современной культурной парадигмы. Глобализационные процессы, охватившие мир в XX веке, а также переход от индустриального к постиндустриальному обществу повлекли за собой не только экономические, политические и социальные изменения, но и привели к формированию нового взгляда на феномен культуры. В начале XXI столетия мы оказались перед сложными вызовами глобализации, нивелирующей границы между странами и культурами, в ответ породившими стремление во что бы то ни стало сохранить свою самобытность (так называемая глокализация). Говоря о культуре современного мира, мы рано или поздно приходим к феномену города и городского типа культуры. Все сильнее подчиняясь процессам мировой урбанизации, от мира стран мы постепенно переходим к миру городов. В этом контексте справедливым является утверждение, что сегодня мы живем в мире городов, причем отнюдь не по количеству населения, проживающего в них, а по качеству влияния на мир. Город – особый феномен, особый виток развития культуры и цивилизации. В истории цивилизации нет такого общества, такой культуры, в программе развития которых не предусматривалось бы появление городов как мест наиболее комфортного проживания человека. По мнению Р. Парка, *город – это естественное обиталище цивилизованного человека* (см. [1]), где были созданы не только комфортные условия для жизни, но и философия, наука, политика и, конечно же, культура. Именно поэтому, говоря о **месте конституирования культуры**, мы говорим, прежде всего, о городе.

Стратегии развития культуры также необходимы современному миру, как и стратегии экономические и политические. Сегодня, когда экономика, политика, промышленность и образование разных стран